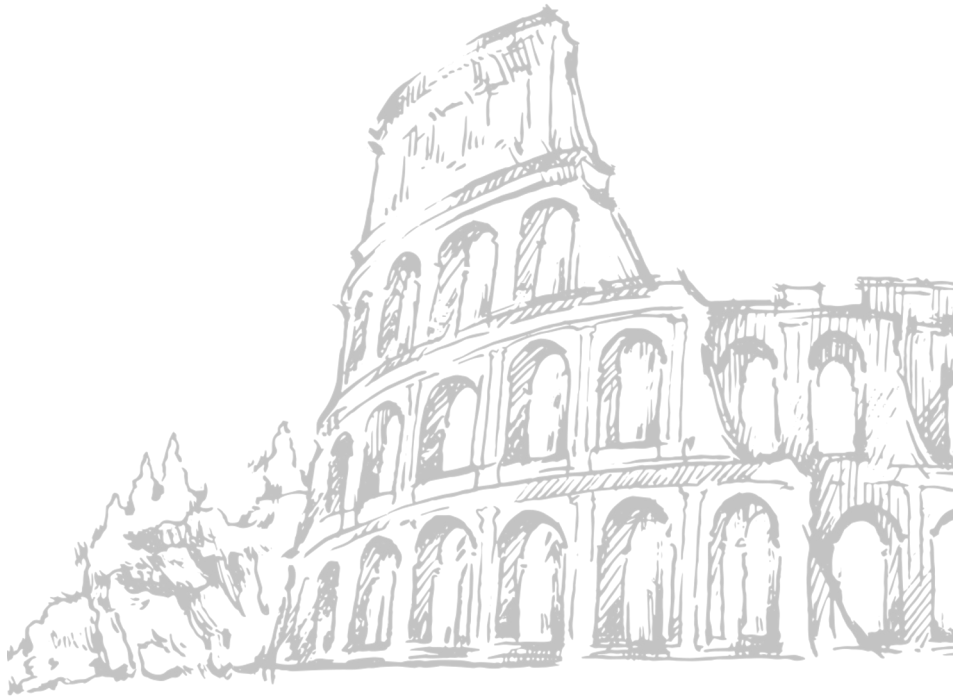

ЗНАНИЕ ЗАКОНОВ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ НЕ В ТОМ,
ЧТОБЫ ПОМНИТЬ ИХ СЛОВА, А В ТОМ,
ЧТОБЫ ПОСТИГАТЬ ИХ СМЫСЛ

ИЗ
РИТОРИЧЕСКИХ
ДОКЛАДОВ

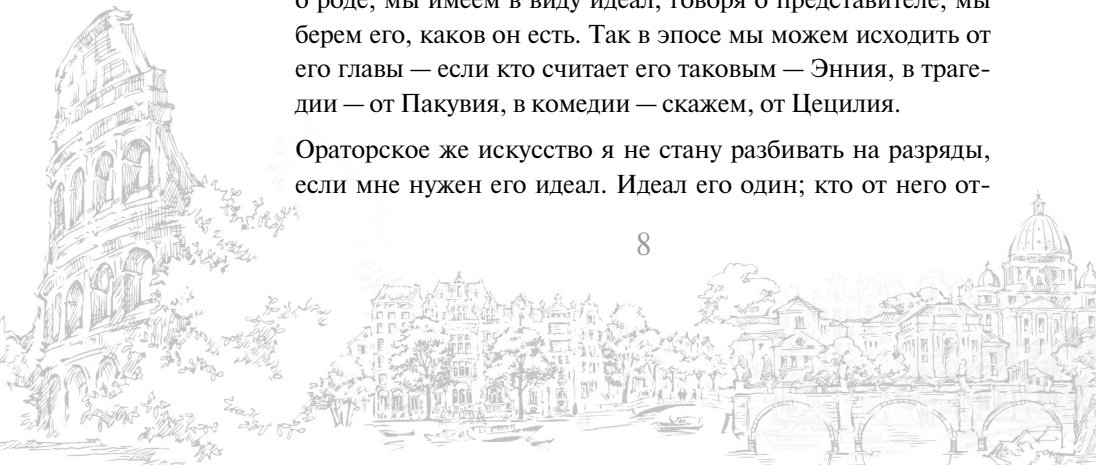

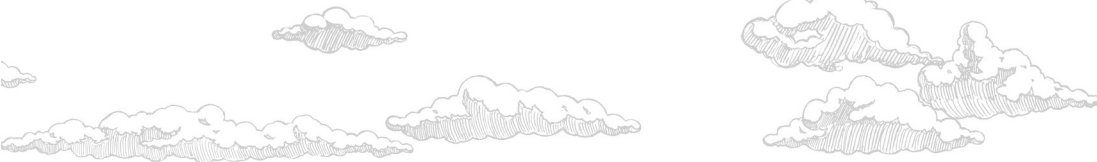
О НАИЛУЧШЕМ ВИДЕ ОРАТОРОВ

Ораторов разделяют на категории так же, как и поэтов; это сопоставление, однако, неправильно. Поэзия действительно разнородна: и трагедия, и комедия, и эпос, и мелическая лирика, и дифирамб — все они обладают своими особыми свойствами, отличающими их от других; так в трагедии комические элементы считаются ошибками, в комедии — трагические, да и в остальных разновидностях есть свой определенный стиль, свои известные сведущим людям приметы.

Если же кто и ораторов разделяет на несколько разрядов, объявляя одних «возвышенными», или «величавыми», или «богатыми», других — «простыми», или «тонкими», или «немногословными», третьих — «средними» между теми и другими — то он дает этим скорее характеристику представителей, чем самих родов красноречия. Действительно, рассуждая о роде, мы имеем в виду идеал; говоря о представителе, мы берем его, каков он есть. Так в эпосе мы можем исходить от его главы — если кто считает его таковым — Энния, в трагедии — от Пакувия, в комедии — скажем, от Цецилия.

Ораторское же искусство я не стану разбивать на разряды, если мне нужен его идеал. Идеал его один; кто от него от-

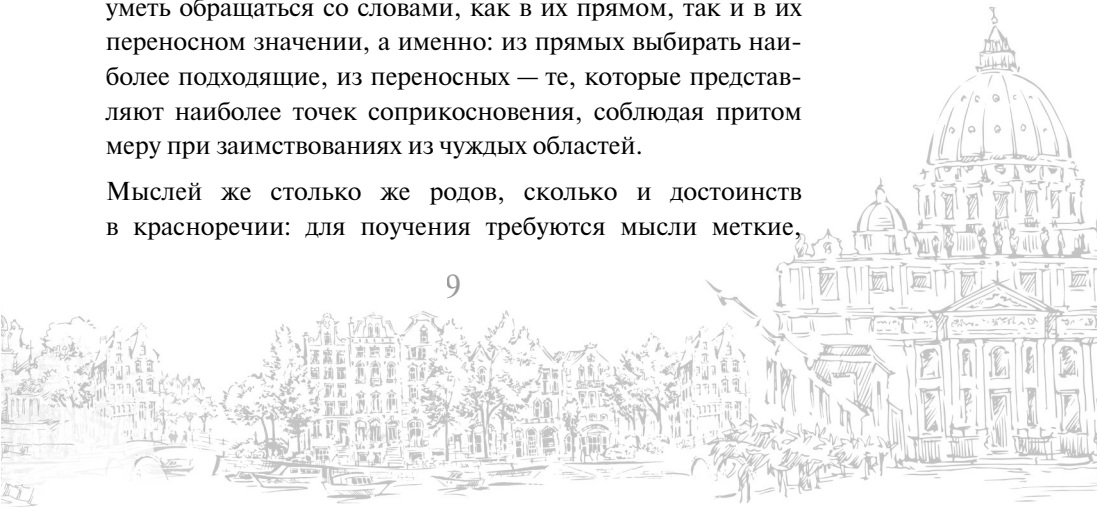

даляется, тот отличается от него не родом, как Теренций от Акция, а степенью внутри одного и того же рода. Идеальный оратор — тот, кто в своей речи и поучает слушателей, и доставляет им наслаждение, и подчиняет себе их волю; первое — его долг, второе — залог его популярности, третье — необходимое условие успеха.

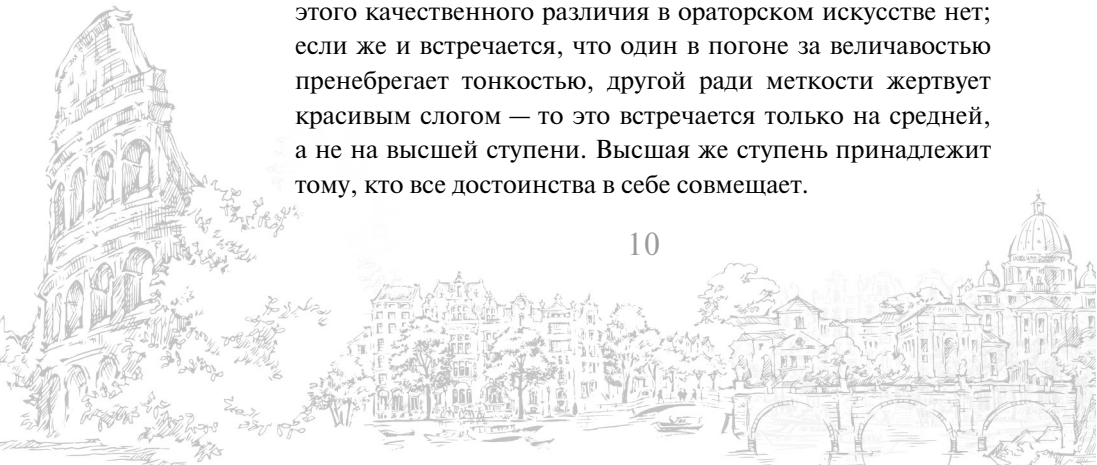
К этому идеалу иной приближается более, другой менее; но это различие количественное, а не качественное. Идеал, повторяю, один; степенью сходства с ним определяется и близость к нему отдельных представителей; отсюда видно, что чем менее кто с ним схож, тем он хуже.

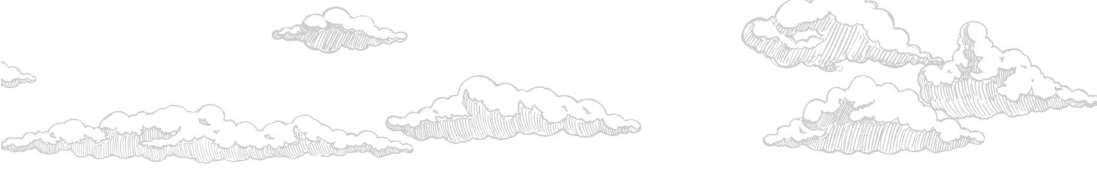
Объясню точнее. Так как речь составляют слова и мысли, оратор первым делом должен стремиться к тому, чтобы — говоря вообще чистым и правильным языком, что мы и разумеем под своим требованием «латинской» речи — изящно уметь обращаться со словами, как в их прямом, так и в их переносном значении, а именно: из прямых выбирать наиболее подходящие, из переносных — те, которые представляют наиболее точек соприкосновения, соблюдая притом меру при заимствованиях из чуждых областей.

Мыслей же столько же родов, сколько и достоинств в красноречии: для поучения требуются мысли меткие,

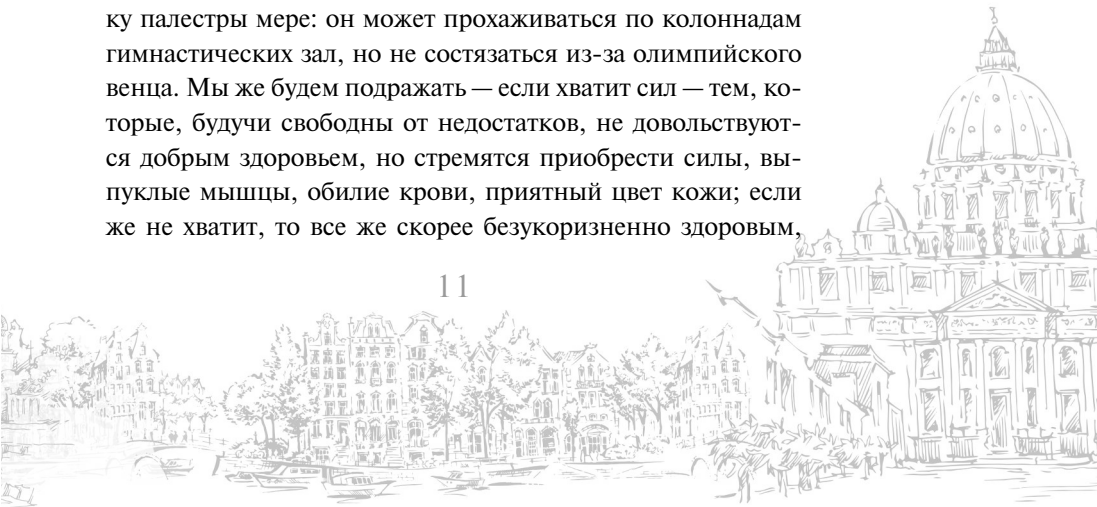

для доставления удовольствия — остроумные, для убеждения — веские. Затем, и чередование слов подчинено особым законам, цель которых двойная, ритм и благозвучие, — и мысли должны следовать друг за другом в особом порядке, именно том, который нужен для доказательства данного положения. Фундаментом всего этого мы должны признать память, сверкающей верхушкой — исполнение. Итак, вот что я хочу сказать. Кто всеми указанными средствами располагает в наивысшей степени, тот будет совершенным оратором; кто в средней — посредственным, кто в низшей — дурным. Но ораторами они будут все, так же, как и живописцами мы называем и плохих представителей этого искусства, и отличаются они друг от друга не своими специальностями, а степенью своего таланта. И вот причина, почему нет оратора, который не желал бы быть похожим на Демосфена; напротив, Менандр не желал походить на Гомера — условия его поэзии были другие. Вот именно этого качественного различия в ораторском искусстве нет; если же и встречается, что один в погоне за величавостью пренебрегает тонкостью, другой ради меткости жертвует красивым слогом — то это встречается только на средней, а не на высшей ступени. Высшая же ступень принадлежит тому, кто все достоинства в себе совмещает.

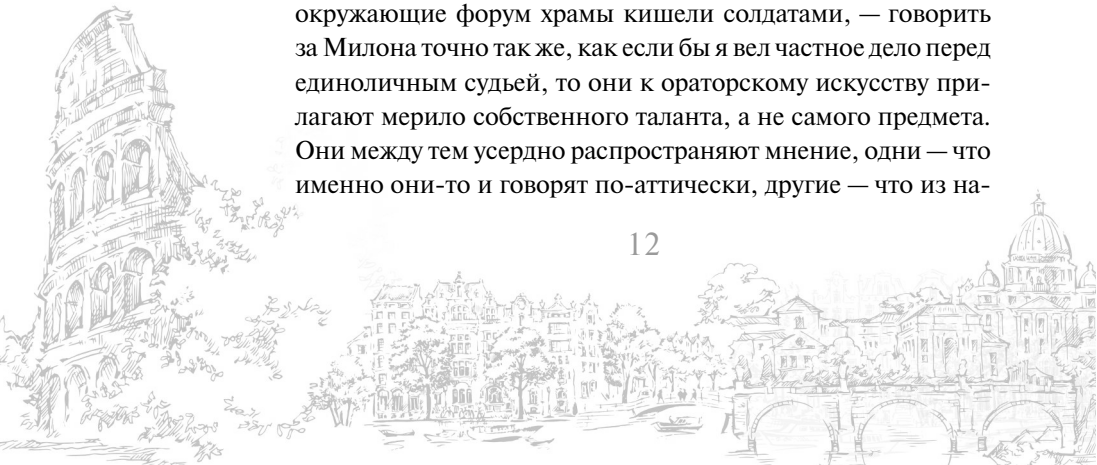
Все это изложено мною в более кратком виде, чем этого требовала тема, но для моей ближайшей цели и сказанного достаточно. Мы установили, что идеал один; теперь спрашивается, где его искать. Отвечаю: в том красноречии, которое процветало некогда в Афинах. Но в том-то и дело, что аттические ораторы знакомы людям гораздо более по своей славе, чем по своей силе: отсутствие у них недостатков замечено многими, многочисленность же достоинств — мало кем. Под недостатками мы разумеем: по отношению к мысли — логическую превратность, отсутствие связи с делом, недостаточную меткость, привкус пошлости; по отношению к словам — испорченность, вульгарность, несвойственность, жесткость, чрезмерную изысканность. Этого, разумеется, избегли как аттики, так и их последователи; если вся заслуга только в этом и состоит, то пусть они считают себя и здоровыми, и крепкими, но лишь в свойственной каждому ученику палестры мере: он может прохаживаться по колоннадам гимнастических зал, но не состязаться из-за олимпийского венца. Мы же будем подражать — если хватит сил — тем, которые, будучи свободны от недостатков, не довольствуются добрым здоровьем, но стремятся приобрести силы, выпуклые мышцы, обилие крови, приятный цвет кожи; если же не хватит, то все же скорее безукоризненно здоровым,

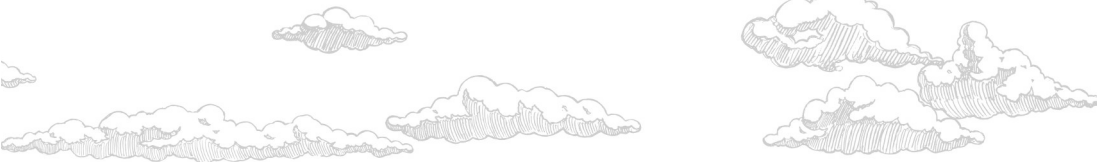

какими были все аттики, чем болезненно тучным, каковых во множестве произвела Азия. Имея в виду эту вторую цель, мы — если мы только ее достигнем, что не так-то легко, — будем подражателями Лисия и специально его простоты (дело в том, что и он во многих местах говорит возвышенно; но, так как он большею частью писал речи частного характера, да и те для других ораторов, и притом о маловажных делах, то он производит впечатление писателя сухого, нарочно изощрившего свой талант в области мелких процессов).

Человек, достигший этой цели — но только этой и поэтому не способный при всем желании говорить «обильно» — может называть себя оратором, но только из разряда меньших, так как великому оратору необходимо владеть высоким стилем, если встретится соответственное дело. Так-то Демосфен, несомненно, сумеет говорить простым стилем, Лисий же возвышенным — не всегда. Если же мои противники воображают, что было уместно — в то время как форум и все окружающие форум храмы кишели солдатами, — говорить за Милона точно так же, как если бы я вел частное дело перед единоличным судьей, то они к ораторскому искусству прилагают мерилу собственного таланта, а не самого предмета. Они между тем усердно распространяют мнение, одни — что именно они-то и говорят по-аттически, другие — что из на-

ших так никто не говорит. С первыми я спорить не буду: им достаточно ответил их собственный опыт, состоящий в том, что они или не приглашаются в поверенные, или, будучи приглашены, вызывают насмешки (именно насмешки, а не смех: смех — примета аттического красноречия).

Что же касается тех, которые оспаривают мою прикосновенность к аттическому стилю, сами не выдавая себя за ораторов, — то, если они обладают чуткостью уха и тонкостью суждения, их можно привлечь в качестве критиков на тех условиях, на каких при оценке картины привлекают также и тех, которые, не будучи живописцами, умеют, однако, здраво судить о живописи. Если же все их знание состоит в их неспособности поддаваться обаянию речи и им поэтому не нравится высокий и роскошный слог, то пусть они так и говорят, что они требуют от оратора лишь тонкости и гладкости рассуждения и не признают величавой и прекрасной речи. Но пусть они перестанут называть ораторов тонких единственными представителями аттического, т.е. здорового и чистого, стиля; речь при всей своей чистоте торжественная, прекрасная и обильная, тоже свойственна Атикам.

Но и помимо того: если нам предстоит выбор между речью только удовлетворительной и речью, возбуждающей кроме удовлетворения еще и восторг, — может ли наш ответ быть

О И
Б С
О К
Р У
А С
Т Т
О В
Р Е
С
К
О
М

сомнительным? Это касается уже не вопроса об аттическом, а вопроса об идеальном красноречии.

А так как лучшие из греческих ораторов были афинские, их же глава несомненно, Демосфен, то отсюда следует, что тот, кто воспроизведет стиль Демосфена, будет заодно и самым аттическим и наилучшим оратором. <...>

ОРАТОР

<...> Ибо что может быть тяжелее, чем решить, каков лучший образ и как бы лучший облик речи, когда славные ораторы так не похожи друг на друга? <...> Итак, ты все чаще меня спрашиваешь, какой род красноречия нравится мне больше всех и каким я представляю себе то красноречие, к которому ничего уже нельзя прибавить, которое я считаю высшим и совершеннейшим? Но тут я боюсь, что если я выполню то, чего ты хочешь, и обрисую такого оратора, какого ты ищешь, этим я ослаблю усилие многих, кто в бессилии отчаянья откажется посягать на то, чего не надеется достигнуть.

Но по справедливости, на все должны посягать все те, в ком есть желание прийти к цели великой и достойной великих усилий. А у кого не хватит природных данных или силы выдающегося дарования или кто будет недостаточно просвещен изучением великих наук, пусть и он идет по тому пути, по какому сможет, ибо если стремиться стать первым, то не позорно быть и вторым, и третьим.

Ведь и среди поэтов есть место не одному Гомеру, если говорить о греках, и не одному Архилоху, или Софоклу, или

